Я знал о том, что в браке моих родителей были трудности, еще когда был совсем маленьким. Посещая дома друзей, я видел, что в целом они были позитивными и жизнерадостными. Это не значит, что я чувствовал дома какой-то реальный конфликт, скорее, обстановка иногда казалась немного напряженной и беспокойной.

Мои родители, в особенности моя мать, были очень поддерживающими и заботливыми, по крайней мере, в мои молодые годы. Позже все изменилось, и не в лучшую сторону. Мой отец, Дензел Джей Мейсон, был успешным адвокатом, жестким человеком, который становился все более высокомерным по мере того, как становился все более успешным. Он все больше времени проводил вне дома, что привело к некоторым трениям с моей мамой, Кэрол.

Я всегда считала маму потрясающе красивой женщиной. Она вышла замуж за папу, когда ей было всего 16 лет; это была свадьба на дробовиках, и я родилась через четыре месяца. Она всегда была теплой и заботливой по отношению ко мне, но иногда у меня складывалось впечатление, что она не совсем понимает, как быть мамой, и что ей немного не по себе от детского поведения.

Физически мама была довольно высокой, около 5 футов 8 дюймов, с идеально пропорциональным телом и весом около 140 фунтов. Грудь 36С высоко держалась на крепкой грудной клетке, талия сужалась к восхитительно расклешенным бедрам и очень сексуальной попке. Затем ноги, которые не уставали, сильные и хорошо сформированные. У нее были длинные, густые, мягкие темно-каштановые волосы с глубокими рыжими бликами при определенном освещении, которые она всегда укладывала французским валиком; я редко видел ее с волосами ниже плеч. Глубокие, насыщенно-карие лучистые глаза, в которых мужчина мог почти утонуть, хотя нередко в них появлялся оттенок грусти. Ее глаза были вписаны в овальное лицо, необычайно симметричное, и мне всегда казалось, что она чем-то похожа на Джулию Робертс в ее лучшие времена.

Но больше того, мама была элегантна. Она держалась с естественной грацией и самообладанием и, казалось, скользила по полу. Она всегда хорошо одевалась и была ухоженной, за исключением повседневной домашней жизни, когда достаточно было джинсов и футболки. Но даже тогда она выглядела великолепно. У мамы был красивый богатый, глубокий бархатистый голос, который я находил одновременно успокаивающим и возбуждающим, и я не могу вспомнить ни одного случая, когда она прямо критиковала или сердилась на меня.

Когда я перешел в подростковый возраст, она стала для меня золотым стандартом женской привлекательности и все чаще фигурировала в моих мастурбационных фантазиях. Мне никогда не доводилось видеть ее обнаженной, но раз или два я мельком видел ее в лифчике и трусиках; она всегда носила только изысканное белье, и я видел тень ее сосков и намеки на коричневую муфточку, которая не давала покоя моей правой руке в течение нескольких дней.

Ни моя мать, ни отец не были светскими людьми. Они посещали деловые ужины и коктейльные вечеринки, а я был благословлен (или проклят) чередой нянек, ни одну из которых я сейчас толком не помню, и примерно к 14 годам считал себя способным позаботиться о себе. Но дома редко устраивались какие-либо развлечения, и в редких случаях, когда это случалось, меня прогоняли в мою комнату. Нашим домом был старый двухэтажный дом поздневикторианской эпохи, который папа купил за бесценок в поместье покойного, хотя мама позже рассказывала

мне, что она не слишком верила в законность этой сделки. В доме было много тяжелой мебели и портьер, которые, похоже, предпочитал папа, хотя это создавало для мамы постоянные проблемы с поддержанием чистоты, даже когда мы регулярно приглашали кого-то для уборки.

Мама была очень умной женщиной, которая сама закончила колледж, к большому неодобрению отца, как я полагаю. Она стала бухгалтером, а затем старшим финансовым сотрудником в правительственном департаменте.

Примерно к моему 16-летию в нашей внутренней семейной политике произошли изменения. Отец стал проводить еще больше времени вдаль от дома, и я знала, что мама стала довольно одинокой и изолированной. Я также видела намек на грусть в ее прекрасных глазах, когда она думала, что я не смотрю. Поэтому я намеренно решил обеспечить ей некоторую степень интеллектуального общения. Мы садились за стол после еды и разговаривали обо всем на свете.

Сначала маме это показалось странным, и она спросила меня, не предпочитаю ли я общаться с людьми своего возраста. Однако я упорствовала, и нам стало комфортно друг с другом; я могла очень мягко подтрунивать над ней и уважительно оспаривать некоторые ее идеи. Но никогда о деньгах - мама была абсолютно уверена во всем, что касалось знака доллара.

Однако меня удивило ее понимание - или его отсутствие - человеческих отношений. Она казалась наивной до невежества в том, что люди чувствуют друг к другу. Раз или два я пыталась выяснить ее отношения с папой, но мама не поддавалась на уговоры и всегда отвечала неопределенно. Мне было интересно, почему у меня не было ни брата, ни сестры, но позже я узнал, что мама забеременела через несколько лет после моего рождения. Однако ребенок родился мертвым, и оба отца, а особенно мама, пережили очень тяжелые времена. В результате папа настоял на том, чтобы маме перевязали трубы, и в то время мама согласилась, поскольку не хотела снова переживать эту травму. Однако я подозреваю, что истинная причина была в том, что папа не хотел, чтобы под его ногами путались младенцы. Не самый восторженный отец.

Я немного узнала о маминой семье. Ее отец был строгим дисциплинарником, а мать - робким ничтожеством, умершим вскоре после рождения младшей маминой сестры, которую в семье всегда называли "Ди-Ди". У них был старший брат Донни, на пять лет старше мамы, который был для мамы своего рода заместителем родителей и наставником. Ее отец умер, когда мне было около пяти лет; я ничего не помню о нем, а мама редко упоминала о нем.

Оглядываясь назад, я вижу, что мама все больше и больше полагалась на меня в плане поддержки и интеллектуального стимулирования. Это произошло сразу после того, как мне исполнилось восемнадцать лет, и дядя Донни погиб в автокатастрофе. Мама была опустошена и настаивала на том, что она должна поехать на похороны, хотя они были очень короткими и междугородними. Мама, естественно, попросила папу поехать с ней, но он категорически отказался. "Кэрол, я занят важным делом, и у меня нет времени".

"Но Ден, он мой единственный брат, и я так его любила", - всхлипывала она.

"Послушай, Кэрол, мне казалось, я ясно выразился. Я не пойду - если ты хочешь присутствовать, ты вполне можешь пойти сама", - после чего он повернулся и вышел из комнаты.

Я присутствовал при этом разговоре, и было ясно, что мама глубоко расстроена. Я подошел к тому месту, где она стояла, всхлипывая и дрожа, и взял ее на руки, издавая успокаивающие, утешающие звуки и очень нежно потирая ей спину.

"Мама, я буду очень рада пойти с тобой на похороны дяди Донни. Из того немногого, что я видела, он мне понравился, но я знаю, как он был важен для тебя. Я пойду с тобой; ты можешь поплакать у меня на плече, и я возьму с собой хороший запас чистых носовых платков".

Мама посмотрела на меня сквозь слезы и одарила меня водянистой улыбкой. "Джесси, это так мило с твоей стороны. Если ты действительно уверена, я соглашусь. Спасибо тебе большое".

"Хорошо, мама, ты заказывай билеты, а я буду твоим сопровождающим. Ты собираешься остаться на ночь?" спросила я с какой-то подростковой фантазией о том, чтобы разделить с ней постель.

"Нет, милая, мы сядем на красный глаз утром и вернемся последним рейсом. Это будет очень утомительный день, но, по крайней мере, мы должны хорошо выспаться этой ночью".

Папа только хмыкнул и хрюкнул, когда я сказала ему об этом - его просто не интересовал этот вопрос.

Через два дня мы с мамой уехали на такси в неприлично ранний час. Она была одета в темный угольно-серый костюм с темно-синей оборкой на шее и черную шляпу. Во время полета она почти не разговаривала, а поскольку мы прилетели довольно рано, в аэропорту мы слегка позавтракали. Мама рассказала мне больше о дяде Донни, о том, как он всегда заступался за нее, когда они были детьми, но при этом требовал, чтобы она соблюдала правила и вела себя как "приличная молодая леди". Что она и делала, ведь дядя Донни был таким добрым и заботливым, хотя ее беременность стала шоком для всей семьи, и для мамы не в последнюю очередь. Теперь Донни не стало, и я понимала, что ей больше не к кому обратиться в экстренной ситуации.

Мы взяли такси до похоронного бюро, где была проведена своеобразная служба и кремация с легкими закусками после нее, и я обнаружила, что разговариваю с моей тетей Ди-Ди. Она отвела меня в сторону с выражением озабоченности на лице: "Джесси, я не знаю, понимаешь ли ты, как сильно твоя мать зависела от Донни. Теперь у нее нет никого, кому она могла бы по-настоящему довериться".

"Да, но у нее есть папа, тетя Ди-Ди", - предложил я.